

Иван Губарь

Однажды в детстве, после Войны

Воспоминания

12+

Иван Губарь

Однажды в детстве, после Войны

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Губарь И.

Однажды в детстве, после Войны / И. Губарь — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06119-4

Воспоминания Ивана Губаря о его детстве в послевоенной белорусской деревне читаются с куда большим интересом, чем многие остросюжетные романы. Эта книга - о мире, где нет электричества, но есть голод. Где женщины ежедневно встают в четыре утра, а дети играют надутым мочевым пузырем свиньи. Где за уборку конопли не сажают, а награждают переходящим знаменем, где 16-летние девушки интересуются: "Дядька, а за Гомелем люди есть?", а предприимчивые люди затевают стартапы по производству самогонных аппаратов из немецких противотанковых мин. Попробуйте почитать - может быть, почувствуете зов предков.

ISBN 978-5-532-06119-4

© Губарь И., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава первая. Про нашу глухомань, «сморкачки» и моего родственника Васю Алабона	7
Глава вторая. Чем хороши ношенные вещи, как обзавестись валенками, голодный 47-й.	13
Глава третья. Деревенские клички. Маршал и «Депутатка». Важнейшие из искусств – кино, танцы и спорт	18
Глава четвертая. Игры и не игрушки, или Вооружен и очень опасен	24
Глава пятая. «Анискин» и наган. Трудовые будни и запрещенный ныне детский труд	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Предисловие

Тестя у меня зовут Иван Андреевич. Фамилия у него Губарь.

Я его очень уважаю.

Он капитан первого ранга запаса и человек с принципами. И всегда им был. В качестве примера – когда его, мальчишку из послевоенной белорусской деревни призвали в армию, то хотели отправить служить в ГСВГ, то есть в Группу советских войск в Германии. В ГДР, проще говоря. И тогда призывник Губарь, 1941 года рождения, национальность – белорус, заявил военному: «Делайте что хотите, хотите – отправляйте в дисбат, но немцам я служить не буду». И так и не поехал.

Потом, после срочной – было военное училище и офицерская служба «на самых дальних наших островах».

Не, правда, Иван Андреевич всю жизнь служил Отчизне на самых дальних рубежах – сначала Курилы, потом много лет на Камчатке, затем был знаменитый «Техас» в Приморском крае, и в завершение, на сладкое, так сказать, – Владивосток. Потому что куда Родина послала, там и буду служить.

Тем, кто от этого далек, поясню, что география не самая типичная даже для матерых служаек. В советское время было (да и сейчас наверняка есть) у офицеров такое понятие – «выслуга лет». Та самая, о которой сложили нецензурную, как это обычно в армии бывает, поговорку.

Так вот, Иван Андреевич в свое время прославился тем, что его «бюрократический» возраст обогнал реальный – когда отмечали его 50-летний юбилей, у него было 52 года военной выслуги. Не удивляйтесь – Курилы и Камчатка шли «год за два», Приморский край тоже имел, как сейчас говорят, «повышающий коэффициент». То есть формально капитан первого ранга Губарь служил Родине больше, чем прожил.

Уволиться и уйти на пенсию можно было еще после 25 лет выслуги, но Иван Андреевич не увольнялся.

Уволился в запас капитан первого ранга Губарь уже на моей памяти, в начале 1992 года. Практически сразу после распада Советского Союза. Объяснив это весьма просто: «Я присягал Советскому Союзу, его больше нет, а второй раз давать присягу я не собираюсь».

Потом было еще много всего – и грустного, и веселого, и смешного, и обидного. «Святые 90-е», в общем. Выживали мы тогда всей большой семьей.

А потом, в начале 2000-х, когда Иван Андреевич стал «дедушкой Ваней», уговорили мы его с женой начать писать мемуары. Биография у него, как вы догадываетесь, была весьма интересной, в жизни он видел многое, как начнет рассказывать – заслушаешься. Он сперва поотнекивался, потом согласился.

Однажды он мне принес файл, и попросил отредактировать. Начал я читать, и понял, что практически никакой редактуры тексту не требуется, это готовая книга. Разве что опечатки поправить, да примечания сделать – этим, собственно, моя роль в этой книге и ограничивается.

Вот только написал Иван Андреевич не про службу, и не про советских офицеров, а про свое послевоенное детство.

Не рекламы ради скажу, а как на духу – этот незамысловатый текст я читал с куда большим интересом, чем многие остросюжетные романы.

Потому что за бесхитростными строчками открывалась даже не чужая жизнь – исчезнувшая цивилизация.

Цивилизация, в которой родились и выросли наши предки.

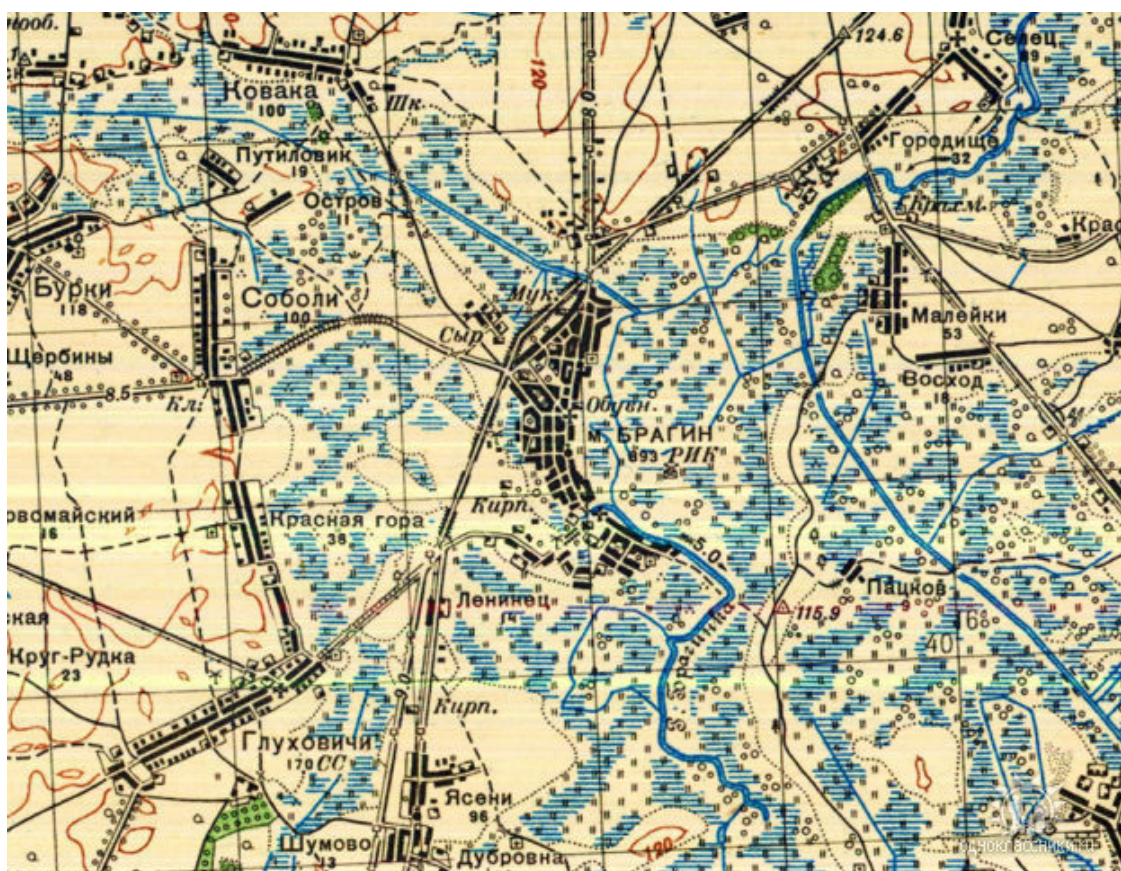
Я упросил его все-таки выложить этот текст в интернет. Может быть, и вам эта книга покажется любопытной.

Вадим Нестеров

Глава первая. Про нашу глухомань, «сморкачки» и моего родственника Васю Алабона

В последнее время лет этак пять, если не более, мне часто снится один и тот же сон. Осень. Послевоенная белорусская деревня. Убранное картофельное поле и по нему бегают босоногий мальчишка лет пяти или шести. В руках у него тонкий ивовый прут, на заостренный конец которого он надевает зеленые картофельные "бублики", широко размахивается и запускает свою примитивную катапульту. Он искренне рад и безумно счастлив от каждого удачного выстрела, неудачные попытки его тоже особенно не огорчают. Зачем расстраиваться "снарядов" вполне достаточно только не ленись нагибаться. Просыпаясь, я долго не могу понять – где в каком времени и месте я нахожусь. Лежу, боясь пошевелиться, ибо любое движение возвращает из детства. А так хочется подольше побыть там. Там, где нет текущих забот и повседневных обязанностей. Там, где каждый день как сказка. Правда сказка иногда омрачается – особенно когда хочется кушать, но это дело преходящее и почти всегда разрешимое, особенно летом и осенью.

Место, где происходят описываемые события по современным меркам можно охарактеризовать одним словом – глухомань. Конечно, это не какая то там Тмутаракань, но и центром цивилизации назвать трудно. До ближайшей железнодорожной станции от нашей деревни, которая называется Селец – двадцать пять километров. До районного центра – поселка городского типа Брагин всего семь километров. Ближайший город – областной центр Мозырь в семидесяти пяти километрах.

Гомельская обл. В верхнем правом углу дер. Селец

В деревне нашей примерно около 250 дворов, расположена она вдоль берега небольшой, извилистой речушки Брагинка. Сразу за деревней естественный пруд, из которого вытекал небольшой ручей, а дальше небольшая возвышенность – Дворец. В центре деревни сельский клуб, канцелярия, правления колхоза и церковь. Территория возле клуба и канцелярии засажена деревьями. Особенно впечатляют вековые дубы и клены.

В трудное, голодное время река подкармливала жителей села свежей рыбой. Водились там разные породы рыб, и на каждый из них был свой класс рыбаков. Так, например, шук или линей ловили опытные рыболовы, которых было наперечет. Карасей, вьюнов и все что попадется, ловили те, у кого снасти попроще и опыт поменьше – таких было достаточно много. Самой же многочисленной армией рыболовов были мы – мальчишки. Объектом нашей охоты были плотва, окунь, пескари и, безусловно, раки. Ну, сами подумайте, какая уважающая себя рыба будет клевать на снасти, в которых вместо лески волос из лошадиного хвоста или гривы, удилице из ореховой ветки, крючок и тот не всегда заводского производства?

Сразу же за рекой начинались болото и лес. Болото обеспечивало сеном, торфом для удобрения полей и отопления домов. Лес. Для одних лес это много больших деревьев. Для меня лес это частичка, я не сказал бы, что худшая, в моей жизни. Я с детства привык к лесу. Там прошла значительная часть моей детской жизни, но об этом чуть позже.

Немного о нашей деревне. Радио есть почти в каждом доме. Электричества в деревне нет. Для освещения жилья используются лучина, керосиновые лампы, сморкачки. Самый яркий свет дает 12 линейная керосиновая лампа, но стоит она дорого и сжигает много керосина, а это тоже деньги, поэтому ее у нас в доме нет (только где-то в году 1949 или 1950 мама купит 8-ми линейную лампу), пока же приходится обходиться "сморкачкой" или "коптилкой".

Сегодня уже многие взрослые не понимают, о чем идет речь, а это очень простое и единственное средство, использовавшееся для освещения многих деревенских домов послевоенной Белоруссии. Устройство проще не бывает. Берется гильза от малокалиберного снаряда, в нее вставляется фитиль (заводские фитили появятся позже, а пока это длинная полоска из старого сукна, лучше из немецкого шинельного материала), горловина гильзы при помощи молотка сплющивается, внутрь гильзы заливается керосин и осветительный прибор готов. Единственными его достоинствами были доступность (гильз хватало) и простота изготовления (два – три удара молотком). Все остальное можно отнести к недостаткам.

Вариантов названий вышеназванного прибора два, и оба они соответствуют его техническим характеристикам. "Сморкачка" потому, что после даже непродолжительного пребывания в помещении где "работает" это чудо техники обязательно потечет с носа, а "коптилка" потому, что действительно коптила страшно.

Единственным очагом культуры был находившийся в центре села сельский клуб. В конце 30-х годов по воле властей был произведен размен – церковь перебралась в дом раскулаченного крестьянина, а в помещении церкви был открыт сельский клуб.

Клуб – это громко сказано. В бывшем здании церкви был один зал примерно 150 квадратных метров, кабинет начальника клуба и киноаппаратная. Для сравнения – моя сегодняшняя квартира около 80 квадратных метров.

Именно здесь проходили важнейшие события села: торжественные собрания, посвященные важным политическим датам с непременно концертном художественной самодеятельности, общие сходы жителей деревни, собрания колхозников, демонстрация кинофильмов, танцы.

Рядом с клубом в небольшом доме находится правление колхоза, в одной из комнат размещена сельская библиотека. Кстати, здесь же находился единственный на всю деревню телефон, покрутив ручку которого, иногда можно было дозвониться до районного центра, а вот дозванивался ли кто-то дальше, я что-то не припоминаю. Да и зачем куда-то далеко звонить?

Вся власть на месте, родные рядом. Зачем звонить, когда можно общаться посредством писем, которые без задержек доставляются в любое время суток местным почтальоном.

Конечно, есть еще один оперативный способ связи – телеграмма. Но он слишком дорог и им пользуются только в самых крайних случаях. Поэтому любое сообщение о полученной телеграмме встречалось с опаской и настороженностью. Всем было ясно – что-то произошло. Что-то настолько значительное и важное, что человек пошел на такие огромные материальные затраты.

1958 год. Брагин, ул. Советская. Для меня интерес представляет не старый еврей по фамилии Злотник, а деревянный тротуар, о который я разбил ноги, засмотревшись на многочисленные провода на столбах.

Как мы жили в то время? Ответ на этот на первый взгляд простой вопрос очень сложен. С одной стороны, только что закончилась война, которая "огнем и мечом" прошла по Белоруссии. Фабрики и заводы, города и деревни разрушены, часть буквально сожжена. Но самое

страшное в том, что восстанавливать разрушенное некому – погиб каждый пятый житель республики.

Не обошла беда стороной и наш дом. 15 января 1945 года, совсем незадолго до Победы, погиб мой отец – Губарь Андрей Иванович, минометчик 307 стрелкового полка, 61 стрелковой Никопольской Краснознаменной Ордена Суворова дивизии. Вначале семье сообщили, что он пропал без вести. С этой поры моя мама – Татьяна Иосифовна – всю свою оставшуюся жизнь посвятила нам, а было ей всего лишь 38 лет. Нас у матери осталось четверо детей, я – самый младший. Практически всю свою жизнь, вплоть до конца 60-х годов, мама ждала отца. Мама умерла 23 марта 1975 года и похоронена на кладбище в деревне Селец.

Только в 60-х годах стало известно что отец погиб – убит и похоронен в с. Фольварк, двенадцать километров западнее города Шталуппенен в Восточной Пруссии. Информация получена из книги «Назовем поименно. (Калининградская область том 2, стр. 214). Теперь все это подтверждено и архивными документами – ЦАМО. Номер фонда 58, номер описи 18003, номер дела 174.

Я понимаю, шла война. Трудно было все учесть. Но, просмотрев архивные документы, увидел, что уже тогда все было известно. Как появилась версия о пропавшем без вести, просто понять не могу. В 60-х годах по инициативе местных властей прах отца был перезахоронен в братской могиле в городе Нестеров Калининградской области.

В целом мы жили бедно. Первый костюм я приобрел, когда мне было 18 лет. До этого носил одежду в основном из домотканого полотна. Летний наряд мой (да и не только мой, но и многих моих сверстников) выглядел следующим образом: льняные брюки, окрашенные в цвет индиго (анилиновым красителем, который продавался повсеместно), льняная или ситцевая рубашка. Все! Даже белья не было, белье (самодельное) нам выдавали только зимой.

Ходили босиком. Головной убор надевал только по праздникам. Так, что как видите, джинсы (только домашнего производства) мы освоили с детства. Видимо в этом и заключается причина моего нежелания носить их сейчас.

Штаны держались на пришитой к поясу пуговице, или, если пуговицы не было в наличии, ее заменяла деревянная палочка. Применялись кожаные ремни, но чаще из материалов типа брезента (элементы военной амуниции). Карманы в штанах были двух типов – накладные и внутренние. Больше ценились последние, но они в изготовлении сложнее. Поэтому всё зависело от мастерства тех кто их шил, а это или мама или старшая сестра. Девочки младшего возраста носили прямые полотняные рубашки. Возраста с 10-11 им уже шили юбки и кофты, а также сарафаны. Из головных уборов чаще всего носили кепки восьмиклинки. Использовали всё что было. Один мой одноклассник носил авиационный шлемофон. Но летом практически все ходили без головных уборов, только женщины – в платках из ситца.

Это, так сказать, повседневный прикид. Праздничный наряд отличался немногим. Вместо домотканых брюк одевались кортовые[1], а рубашка ситцевая.

[1] «Кортовым» тогда назывался самый дешевый материал, продаваемый в сельском магазине. Очень грубая ткань, напоминающая не то брезент, не то сегодняшнюю «джинсовку».

Зимний наряд тоже был не богат. Льняное домашней выработки белье, брюки-ватники или из домотканого сукна, ватная телогрейка (она же фуфайка), шапка-треух, на ноги надевал бурки в резиновых бахилах (склеенные из камеры автомобиля). Бурки шила мама. Брала старый поношенный суконный андарак[2], кроила, вкладывала между двумя деталями материала ровным слоем вату и затем на ручной машинке марки "Зингер" прострачивала каждую. Затем они сшивались вместе, сверху обрамлялись оборкой и обувка готова.

[2] Андарак или андрак – славянская женская поясная одежда типа юбки. В России андарак носили в основном в Рязанской, Тульской и Курской областях, также были распространены в Белоруссии и на Украине. Андарак шили из шерстяной домотканой ткани в пять

семь полос, верхний край собирался в складку и обшивался основной тканью или холстом. Застегивался спереди или сбоку на пуговицу, крючок или продетый в пояс шнур.

Осталось только обратиться к Василию Алабону (извините, фамилия его была Бут), с просьбой склеить резиновые бахилы. Бахилы оценивались по следующим качествам: во-первых, резина должна быть мягкой, во-вторых, она не должна быть слишком толстой, и, в-третьих, она должна быть прочной. Поскольку мы с ним находились в родственных связях, (троюродный брат по линии мамы), то просьбу он выполнял быстро и, самое главное, из хорошего материала. Самым лучшим материалом были красные резиновые камеры из немецких автомобилей, кстати, и рогатки из этой резины были самые лучшие.

Видимо, здесь уместно подробнее рассказать об этом не простом родственнике.

Вася был ровесник моему старшему брату Алексею, оба родились в 1928 году. По характеру это авантюрист-предприниматель. Загорался любыми идеями и всегда сам стремился их реализовать. Сразу же после войны решил заняться изготовлением самогонных аппаратов. В качестве исходных материалов использовал противотанковые мины, которые демонтировал, на крыльце собственного дома. За доставку мин отвечал его отец – дядька Андрей.

При разборке одной из мин при помощи молотка и зубила (в которой принимал участие один из моих братьев – Петр, 1930 г рождения), произошел взрыв, в результате Вася стал настоящим минером – на правой руке не осталось ни одного пальца, кроме обрубка от большого, а на левой – три покалеченных пальца. В довершение ко всем неприятностям один глаз потерял зрение полностью, а второй стал видеть не более десяти процентов. Так человек по собственной воле и попустительстве отца стал инвалидом. Другой бы пал духом, но не таков был Василий. Не получилось с самогонными аппаратами, что ж – займемся бахилами. И вот этими остатками пальцев он обеспечивает всю деревню резиновой обувью. А это дело не совсем простое. Нужны колодки, хороший клей, и резина – и он решает эти проблемы. Клей готовит сам из каучука и авиационного бензина. Резину (старые камеры) покупает у шоферов.

Но и это не все. Инвалиду трудно в любом обществе. В деревне, где все и всё на виду – ему труднее многократно. Такой простой вопрос как женитьба, для инвалидов практически не разрешим. Какая девушка пойдет за инвалида? Вася решил проблему просто – нашел себе Алену в деревне за 20 км от нашей.

Но нужно еще утвердиться в своей деревне. Как это сделать? Очень просто. Кто самый уважаемый в деревне человек? Правильно, гармонист! И Вася покупает гармонь-трехрядку и, изводя соседей суткам напролет, осваивает игру на гармошке. В итоге Вася в обязательном порядке присутствует на всех праздничных мероприятиях: свадьбы, крестины, проводы в армию и т.д. Более того, он центральная фигура на танцах, которые проводились после каждого сеанса кино (привлечь зрителей) по субботним и воскресным вечерам, а также в престольные праздники.

Круг увлечений Васи поражает. Как-то родилась у него идея пошить себе унты. Пошить не просто унты, а именно из волчьего меха, так как он очень долго носится и самый теплый. Все просто и ясно, кроме одного – где взять волчью шкуру. Вася обратился к своему соседу-охотнику Якову Шаматуну (фамилия Бут). Тот и посоветовал, как и где достать волчий мех. Волков в наших лесах было много, они часто воровали телят или овец. Яков посоветовал: «Положи приманку, сделай засаду – и волк твой».

С приманкой дело решалось просто. Километрах в двух от деревни было кладбище для скота. Вася предложил подкараулить, когда привезут очередного клиента, вечером раскопать место захоронения животного, а рядом сделать нечто типа окопа и там с оружием в руках ждать появления вождленного меха на унты. Задумано – сделано. Стало известно, что сегодня приманка будет на месте. Под вечер мы с Васей с лопатами в руках приступили к делу. Мое появление в этом деле объясняется просто: мне он пообещал тоже пошить унты, разве тут устоишь? Стрелять должен был я из одноствольного ружья 16 калибра, заряженного солидным куском

свинца, при помощи сковороды превращенного в нечто подобное шарик. Это ружьё принадлежало моему старшему брату Алексею. С юных лет я с ним охотился зимой, гоняя зайцев по озимым. Кстати, тогда регистрация оружия не требовалась. Все решал участковый старший лейтенант И. Двораковский, житель деревни Тельман (кстати, мой дальний родственник).

В общем, окоп выкопали быстро – грунт был песчаный. Раскопать труп лошади, в общем-то, тоже особого труда не составило. Конечно, от запахов немножко мутило, но... унты. Унты уже почти в кармане.

В общем, где-то часам к двенадцати ночи мы тихо сидели в схроне и терпеливо ожидали жертву, не смея даже слово сказать друг другу, иначе можно спугнуть зверя. О соблюдении режима полной тишины условились заранее.

Оговорюсь, что мне в это время было чуть больше десяти лет. И если учесть ту физическую нагрузку, которую получил при копках и раскопках, то я изрядно устал. Злую шутку со мной сыграло и тепло в нашем окопчике. Кроме того, я привык рано ложиться спать. В итоге проснулся я около 7 утра. Поскольку мне, как имеющему полный комплект пальцев и глаз, отводилась главная роль наблюдателя и стрелка, то нетрудно догадаться – наша "охота" закончилась неудачно. Признаться друг другу в том, что проспали, мы не могли, а поэтому всем рассказывали, что зверь учуял нас и убежал. Мечта об унтах растаяла, и мне опять пришлось зимовать в бурках.

Правда, уже будучи офицером, я все-таки имел возможность получить унты (только из собачьего меха), но это уже другая история.

А пока снова вернемся к повседневной жизни деревни.

Уважаемые читатели. Выкладывать новые главы автор не умеет, но читать комментарии будет самостоятельно. Ну и, естественно, Иван Андреевич будет очень рад любым читательским знакам внимания.

Глава вторая. Чем хороши ношенные вещи, как обзавестись валенками, голодный 47-й.

Поскольку я в семье был самый младший, то новые наряды мне практически не попадали – донашивал то, что оставалось от старших братьев. А так как нас было четверо, то и пожитки мои, мягко говоря, имели весьма прискорбный вид. Правда, все было стараниями мамы чисто выстирано, дыры и потертости заштопаны и залатаны. Поношенный наряд имел и свои преимущества перед новым. Новая одежда из льняного полотна домашнего изготовления очень неудобна. Во-первых, груба, а во-вторых – щиплет. Ведь как бы тщательно ни обрабатывали лён, сколько бы его не вычёсывали, всё равно где-то оставались частички кострицы [1] которые нещадно досаждали его владельцу.

[1] Кострица, она же костра (ударение на последний слог) – одревесневшие части стеблей прядильных растений (льна, конопли, кенафа и др.), удаляемые при вычёсывании. Но, как правильно заметил автор – почти никогда не удаляемые полностью. (прим. редактора)

Ведь не будешь же все время чесаться? А что подумает окружающий народ? Правильно! Подумает, что пора в баню, так как появилась знаменитая «форма двадцать», официально именуемая педикулезом. А попросту говоря – завшивел мальчик. Правда, в то время это не было чем-то исключительным, скорее уж наоборот – это было совершенно обычным явлением. Более того – это не скрывалось и не считалось зазорным. Способы борьбы с этим явлением применялись разные – начиная от тех, которые используют обезьяны в часы досуга (взаимовыгодного поиска в головах друг у друга), до пропаривания в горячих печах. Широко использовались частые гребни. Но все это мало помогало.

Причин много, в том числе и недостаточно калорийное питание. Проблема окончательно была решена только с постройкой в деревне новой общей бани и массовым применением ДДТ, в наших краях называемого «дустом». Яд был, конечно, вонючий, но спасал хорошо [2].

[2]. Аббревиатуру «ДДТ» сегодняшняя молодежь знает разве что как название группы Юрия Шевчука. Меж тем это было уникальное явление в истории человечества, названное СМИ «Нобелевкой для убийцы».

В 1948 году изобретатель ДДТ (или, если правильно, 4,4-дихлордифенилтрихлорэтана) Пауль Мюллер стал лауреатом Нобелевской премии по медицине с формулировкой «За открытие высокой эффективности ДДТ как контактного яда». Впервые был найден по-настоящему результативный яд против вредных насекомых, который мгновенно стал активнейшим образом применяться во всех странах мира, в том числе и в СССР. Однако через пару десятилетий выяснилось, что яд под названием ДДТ не разлагается, и способен накапливаться в организме животных и человека – его находили даже в печени пингвинов в Антарктиде.

В 1970-х ДДТ стали массово запрещать по всему миру, но было уже поздно – сегодня миллионы тонн ядовитого вещества переносят по всему миру птицы и животные, ДДТ накапливается в воде и почве, растениях, организмах людей и животных. По прогнозам химиков, уже произведенный людьми ДДТ будет убивать еще несколько поколений – период его распада составляет 180 лет. (прим. редактора)

Перед моей мамой, так же, как и другими вдовами, повседневно стоял вопрос "Как прокормить четырех детей?". По большому счету, нам повезло в том, что наш колхоз "Переможник" был в числе немногих послевоенных колхозов, где как-то оплачивался труд колхозников. Оплата выдавалась в зависимости от заработанных трудодней и состояла из двух частей: продуктами и деньгами. Конечно, спасала нас первая часть.

Что такое трудодень? Это количество условных баллов за выполненный объем работы. Так, например, чтобы заработать один трудодень, мне, работающему на тракторе, нужно было вспахать 4 гектара земли. Я же пахал на тракторе по 8-10 га, т.е. за один день зарабатывал по 2-2,5 трудодня. Для всех колхозников устанавливался необходимый минимум заработанных трудодней. Для женщин он был несколько меньше. В конце года на общем собрании колхозников принималось решение, сколько выдать на один заработанный трудодень ржи, пшеницы, ячменя, картошки, и других продуктов, а также денег. Кроме того, по сезону выдавались огурцы, помидоры и другие продукты. Так, например, летом в период косовицы (заготовка сена), чтобы поддержать физические силы, каждому косарю выделялось мясо и сало. Конечно, все это шло на общий стол семьи в основном в виде жаренки.

Память может подвести, поэтому конкретных цифр не называю, но могу сказать, что денежная составляющая была совсем мизерной (в зависимости от финансового состояния колхоза в разные годы от 10 до 80 копеек за каждый трудодень). Если учесть, что мужчины в среднем зарабатывали примерно 600 трудодней в год, а женщины порядка 400, то несложно составить семейный бюджет колхозника. Продовольственная часть оплаты за труд зависела в первую очередь от того, насколько хороший урожай был собран.

Далее из собранного урожая делались поставки государству (объемы утверждались местной властью), затем закладывался семенной фонд (с запасом на возможный пересев) и только то, что осталось, можно было распределять на трудодни. В нашем колхозе это было где-то от 800 грамм до 1,5 килограмма зерна на трудодень.

Тоже не густо.

Ведь этими продуктами предполагалось в течение года кормить семью и домашних животных, но все-таки хоть что-то, но выдавали. В других колхозах, бывало, давали сущие слезы.

В Брагинском районе был один совхоз в деревне Соболи, там, поскольку это было государственное сельхозпредприятие, платили настоящую зарплату и уровень жизни был значительно выше, чем в Сельце, хотя моя деревня не считалась бедной. В сравнении, например, с деревней Петрицкое, где вообще на трудодень ничего не выдавали и люди выживали только за счёт даров леса и различных промыслов.

Затем, когда наш колхоз стал миллионером, оплата за труд существенно повысилась, но все равно Абрамовичей и Потаниных так и не появилось. Люди стали жить при среднем достатке.

Конечно, серьезным подспорьем, а по некоторым продуктам и основным источником, были домашнее хозяйство и огород. Молоком и молочными продуктами обеспечивала корова. Только благодаря ей нам удалось с трудом, но без голодных обмороков пережить голод 1947 года. Ведь получать ежедневно при жирности 4,2% 15-20 литров молока – а именно такого качества и столько давала нам наша Лыска, – это значит, что семья обеспечена маслом, творогом и другими молочными продуктами.

Кроме того, корова избавляла нас от необходимости покупать молоко и сдавать государству (а был такой налог, который приходилось платить вне зависимости от наличия скотины). Практически каждый вечер после дойки домашних коров мы, ребяташки, несли в 3-х литровых бидончиках на колхозную ферму молоко. Там измеряли жирность и объем, записывали в специальную книжку, которая выдавалась владельцу коровы. Всего разрешалось держать в одном хозяйстве одну корову и одну телку. Телку, как правило, продавали, а бычок был обречен.

Я до сих пор с благодарностью вспоминаю нашу кормилицу, которая в течение многих лет кормила и поила нашу семью. Не счесть – сколько раз мы все мысленно благодарили того неизвестного мне командира Красной Армии, который в суровом 1944 году подарил Лыску нашей семье.

Кроме коровы, семье разрешалось содержать определенное количество овец и свиней. Количество птицы законом не ограничивалось, но оно регулировалось наличием корма. У нас было в разное время 1-2 кабанчика, пара овец, штук пять кур, не считая цыплят, голов пять взрослых гусей и обязательно гусак, несколько уток.

Наиболее трудным, и, видимо, поэтому хорошо запомнившимся был 1947 год. Всего два года прошло после Великой Отечественной войны. В колхозах отсутствовала техника, не хватало лошадей, а ведь именно лошадь была основной тягловой силой в сельском хозяйстве. На них и пахали, перевозили грузы и людей. Первый грузовик появился в нашем колхозе где-то около 1950 года. Появление "полуторки" было значительным событием особенно для нас, мальчишек. В течение долгого времени можно было наблюдать такую картинку: по улице деревни едет грузовик, а за ним в пыли, большая ватага мальчишек. Улица не асфальтирована, обочины заросли травой, а по центру тележная колея, песок.

За счастье считалось подержаться за борт автомобиля. Я уж молчу о тех счастливых, которые имели возможность прокатиться хотя бы в кузове. Попастись в кабину даже не мечталось.

Но вернемся в голодный 1947 год. Сейчас голод 1947 года почти забыт, но мне он врезался в память, хотя я был совсем маленьким.

Мне шесть лет. Кушать хочется постоянно. Организм требует мяса, а ему в ограниченном количестве предлагают картошку.

Сегодня, анализируя обеспечение продуктами нашей семьи, полным голодом его назвать трудно. Да, не было хлеба. Да, забыли, как пахнет мясо. Надоел борщ с грибами, которых тоже было не слишком много. Отсутствовал сахар, но ведь было молоко, были масло, творог и полный подвал картошки. Правда, он был как-то и не совсем наш, но об этом ниже.

Из этого времени мне вспоминается история о разделе грибов, сваренных в борще. Семья была большая, и на всех их не хватало. Чтобы решить проблему «по справедливости» старший брат Алексей (1928 г.р.) предложил меряться на емке [3].

[3] Емка (белорус.) – черенок от ухвата.

Смысл в том, что один бросает емку вверх, второй ее ловит. Затем, остальные накладывают свои руки до верха емки. Выигрывает тот, чья рука окажется сверху. Кто выиграл, тот с грибами. Вроде бы все действительно, по справедливости. За исключением того, что старшие братья могли регулировать сжатие руки, а, значит, и до некоторой степени влиять на конечный результат, что противоречит первоначально заявленному принципу. В течение некоторого времени выигрывали старшие Алексей и Петр (1930 г.р.), которые делились со мной как самым маленьким. Сеня же грибов не получал и, в конце концов, за одним из обедов не выдержал и от такой «справедливости» заплакал. Решением мамы грибная лотерея была прекращена и в последующем делила она сама. По принципу – «понемногу, но всем». Всем, кроме себя.

Необходимо отметить важную деталь – все ели из одной миски и если там попадался лакомый кусочек, то каждый член семьи старался его оттолкнуть от себя. Было голодно, но жадности не было. Было даже как-то стыдно показывать окружающим, что ты хочешь кушать.

До сих пор не могу забыть, как я пришел к соседям по фамилии Коцур во время обеда их семьи. Семья большая, пятеро детей и двое взрослых. Дядя Петр – инвалид войны, он ходил на протезе и работал заведующим колхозным складом. Бывал в их доме хлебушек чаще, чем в других. И меня его дочери Елена и Мария частенько кусочком хлеба угощали. Жили мы с соседями очень дружно, как одна семья. И вот тетя Катя приглашает меня садиться за стол обедать, а я отказываюсь, мотивируя тем, что уже поел дома. Садиться за стол я отказался, но отвести взгляд от лежащей на столе полбуханки хлеба было выше моих сил.

Дядя Петр заметил это и, отрезав солидный кусок хлеба, протягивая мне, говорит: «Я знаю, ты дома хорошо наелся, но вот попробуй какой у нас хлеб». Отказать в просьбе я не смог.

Так же как не мог отказать проживавшей у нас бухгалтеру завода Марии, которая каждый вечер приносила мне в кровать кусочек черного хлеба и вручала его со словами: «На, Ванька, согрейся».

Чтобы как-то спасти нас от голода, мама приняла предложение председателя колхоза Филиппа Делец разместить в нашем доме крахмальный мини-завод. Из двух имеющихся одна комната стала заводом, а в другой жили мы. Подвал же, где хранился картофель для завода, был общим. Тем и спаслись в 1947-м.

Затем в этой комнате в течение нескольких лет размещалась вовноческа. Вовноческа – это малый шерсточесальный заводик, который состоял собственно из одной машины, приводимой в движение ручкой. Устройство простое. Большой барабан (диаметром около метра и шириной 1,5 метра), несколько барабанов разного диаметра, на которые набивались металлические щетки разной высоты, подающий стол и принимающий барабан. Один из барабанов, закрыт деревянным кожухом от посторонних глаз. Рассказываю так подробно, ибо без этих знаний невозможно будет понять, откуда у меня появились теплые шерстяные носки, а затем и валенки. Работал агрегат следующим образом: один человек налегая на ручку крутил большой барабан, второй бросал кусочки нечесаной шерсти на приемный стол. У приемного барабана стоял Тит Романюк по кличке «Кривой» (на фронте потерял ногу), который снимал с барабана хорошо расчесанную, уложенную ровным слоем шерсть, сворачивал ее в кудель, и передавал благодарному хозяину. В помещении, где работал агрегат, пыль стояла невероятная, да и запах нечесаной шерсти был не из приятных.

Я у дядьки Тита был, конечно, первым помощником. Смазка и чистка агрегата лежала на мне. За это мне от него перепало довольно часто кое-чего съедобного (он всегда приходил на работу с сумкой, в которой были маленькие глиняные горшочки с едой), но главная добыча была в барабанах. На них всегда оставалось немного шерсти, на каждом понемножку, а на закрытом – чуть побольше чем обычно. Клиентов было много, а чистил технику я исправно почти после каждого посетителя. В итоге к вечеру набиралось немного шерсти. Конечно, большая часть шла дядьке Титу, но и мне к следующей зиме хватило на валенки. Вот так просто решилась проблема теплых рукавиц и зимней обуви.

Правда, валенки эти были не мои личные, а одни на всю семью. Свалял их прямо в нашем доме кочующий вальщик. Технологию изготовления валенок не помню, но на всю жизнь остался неприятный запах химического вещества, которое применялось при валянии. Размер у наших валенок получился большой и надевал их тот, кому было нужнее. Вот сейчас вспоминаю, и кажется мне в них нужды не было. Вполне комфортно чувствовал себя в бурках. Впервые валенки я надел в 1960 году уже, будучи рядовым солдатом, оператором станции «Снар-2» батареи разведки начальника артиллерии, легендарной 120-й гвардейской мотострелковой Краснознаменной Рогачевской орденов Суворова и Кутузова дивизии имени Верховного Совета БССР.

Другим семьям было труднее. Особенно страшна была весна. В пищу употреблялось все, чем можно было набить сосущий живот без особо серьезных последствий. Ели лебеду, крапиву, первый щавель, растущий на Большом и Малом Островах. Цветы акаций (до сих пор ощущаю их сладковато приторный вкус) ели сырыми и подмешивали в хлеб.

Толпы людей ходили весной по еще не совсем оттаявшей земле и собирали то, что осталось после осенней уборки картофеля. Затем этот гнилой и мерзлый картофель, который почему-то называли «бубликами», оттаивали, протирали через сито, промывали водой и использовали в пищу оставшийся на дне посуды крахмал. Из него же варили затируху, кисель, а если собирали много, то пекли крахмальные блины [4].

[4] Голод в СССР 1946—1947 гг., по мнению большинства исследователей, был следствием двух причин. Первая – это развал сельского хозяйства в западных регионах страны из-

за последствий многолетних военных действий. Это было следствием недостатка рабочих рук, техники и лошадей, уничтожения множества сёл и деревень.

Немного статистики – за время войны более 70 тысяч (тысяч!!!) сел и деревень просто исчезли с карты СССР. Были уничтожены в ходе военных действий, часто – сожжены вместе с жителями. Из 9200 населенных пунктов, разрушенных и сожженных немецкими оккупантами и коллаборационистами в Белоруссии во время Великой Отечественной войны, свыше 5295 были уничтожены карателями вместе со всем или с частью населения.

После войны численность трудоспособного мужского сельского населения откатилась к уровню 1931 года, поставок сельхозтехники в годы войны не велось, имевшаяся сельхозтехника была либо вывезена немцами, либо пришла в негодность. поголовье лошадей составляло около 45% от довоенного, поголовье скота также резко сократилось. Показатели 1940 года по количеству крупного рогатого скота в РСФСР были достигнуты только к началу 50-х, поголовье свиней сравнялось с довоенным только в 1950 г., а количество коз и овец в этом году еще изрядно уступало показателям 1940-го года.

Как следствие – валовая продукция сельского хозяйства за годы войны сократилась на 40%. Это первый фактор.

Второй – засуха 1946 года. Она не была катастрофической, но для ослабленного организма, как известно, даже обычная простуда может оказаться фатальной. В итоге урожай зерновых в 1947 году составил 98,5 млн тонн, что на 20 млн тонн ниже, чем в 1940 году и на 25 млн ниже, чем в 1950-м.

Голод охватил почти все западные области СССР – число больных с диагнозом «дистрофия» составило по РСФСР 600 тыс., на Украине – более 800 тыс., в Молдавии – более 300 тыс. Смертность от дистрофии иногда достигала 10% от общего числа людей, которым был поставлен этот диагноз, также выросла заболеваемость так называемой «асептической ангиной», вызванной употреблением в пищу неубранного прошлогоднего зерна, бывшего под снегом. Особенно высокой была детская смертность, в начале 1947 года составлявшая до 20% общего числа умерших. (прим. редактора).

Однако, несмотря ни на что, в нашей деревне не умер ни один человек от голода. Во многом это заслуга местных властей. Особо нуждающимся оказывал помощь колхоз. В деревне, в доме моего дяди Андрея, раскулаченного и высланного с семьёй в Котлас, был создан детский сад и там было бесплатное питание. Контроль осуществлял лично председатель. Да, всем не хватало хлеба, жиров, но спасала картошка.

При этом, несмотря на голод и бедность, мы все же оставались мальчишками, которым хотелось хоть каких-нибудь развлечений. Взрослым нами заниматься времени не было, и поэтому свой досуг мы организовывали сами.

Глава третья. Деревенские клички. Маршал и «Депутатка». Важнейшие из искусств – кино, танцы и спорт

Я уже упоминал про появившуюся в деревне «полуторку». Шофер дядя Андрей (деревенская кличка Вихранок) для нас, мальчишек, был если не богом, то небожителем точно.

Почему вместо фамилии называю кличку? В нашей деревне очень многие семьи имели именушки, которые переходили от родителей к детям. Забывались причины и обстоятельства, из-за которых деревенские остряки наделяли человека порой оскорбительным прозвищем. Дело иногда доходило до смешного. Приезжий спрашивает, где найти Семена Бута. Народ задумывается и молчит. Не знают такого. И только после того как кто-то скажет: «А, так это же Семен Алабон». Все разочаровано произносят «Ну, что ж ты? Так бы и спросил!». Получается, Бута нет, а Алабона все знают. Причем приклеивались именушки намертво. Вот прошли годы, помню всех односельчан, но многие фамилии забыл (мало ими пользовались), а прозвища помню.

Вообще происхождение и значение многих прозвищ совершенно непонятно. Хотя многие из них раскрывали глубинную сущность данного человека. Кроме того, при помощи прозвищ было легче идентифицировать личность. Сразу оговорюсь реакция людей на эти прозвища была разной. Одни воспринимали их с юмором, другие болезненно морщились, но воспринимали молча, а бывали случаи, когда дело доходило и до драки.

К сожалению, или к счастью, в деревне было много людей, носящих одинаковую фамилию. Я уже упоминал двух Бутов – «предпринимателя» Василия Алабона и охотника Якова Шаматуна. Фамилия «Бут» у нас в Сельце была очень распространенной – на памятнике погибшим односельчанам она упоминается больше 15 раз. Поэтому, что бы отличить одного Бута от другого и использовали клички. «Алабон» получилось, скорее всего, как производное от «балаболка». Когда дядя Андрей говорил, то слова произносил невнятно и быстро. «Шаматун» получился скорее из за его суматошного поведения.

Но мало того, что совпадали фамилии – имена тоже частенько совпадали. И вот как здесь без клички? Поэтому один Семен Бут был Алабон, а второй Семен Бут – Семен Юрков.

Иногда клички становились «почти фамилиями». Вот, к примеру, мой друг детства Коля Мироненко (на снимке справа, слева – я) получил в наследство от родителей прозвище «Довбун». Что это означает – я до сих пор не пойму. Но его двоюродный брат Иван тоже стал «Довбуном», работал заведующим колхозным лесопильным хозяйством. Или Алексей Делец, который в деревне известен как «Леша Каркин». Моего крестного отца Федора Ясиновца все почему-то звали «Воробей». Его зять Михаил Новик, который никакого отношения к рождению этого прозвища не имел, тоже становится «Воробьем», хотя это не мешает ему в течение

нескольких лет избираться бригадиром полеводческой бригады. Двоюродный брат Антон Кравченко – в деревне больше известен как "Гершен".

Характерно, что наличие оскорбительного прозвища совершенно не увязывалось с общественным положением, авторитетом человека в деревенском коллективе.

В течение многих лет председателем колхоза избирался Василий Иванович Казаченко.

Уважаемый всеми человек. Участник войны. Орденоносец. Внимательный, заботливый, умный руководитель. И тем не менее получил прозвище – «Цебер». Цебер – широкая деревянная кадушка. Здесь, видимо, основанием послужила его фигура. Невысокий, но плотный был мужчина. Да и весом бог не обидел – когда садился в председательскую бричку, а затем спустя годы, «Победу» – рессоры проседали порядком.

Второй председатель колхоза, с которым я был в очень хороших, возможно, даже дружеских отношениях, Федя Журав, в наследство от родителей получил кличку «Щуй». Хотя в весе не уступал Василию Ивановичу, но все равно остался «Цуем».

Были у нас «Здрок», «Мисюра», «Коршак», «Зелик», «Заяц», «Пипка», «Пуд», «Баран», «Медведь», «Тхор», «Шаматун», «Бабай», «Беба», «Мудрик», «Повар», «Шорник», «Бомкала», «Кныр», «Коршащиха» и т.д.

В абсолютном большинстве это хорошие порядочные люди, с некоторыми из них я нахожусь в родственных отношениях, других искренне уважаю за их жизненное кредо, за желание и умение трудиться. Взять хотя бы дядю Сашу Авдеенко. Ровесник моей мамы, 1907 года рождения. Участник войны. Один из двух шоферов в нашей послевоенной деревне. Родился и постоянно жил в нашей деревне, но почему-то больше известен как «Хохол».

Но были семьи, в том числе и моя, которые не удостоивались прозвищ. Может быть, потому, что с фамилией "Губарь" кличка уже не очень-то и нужна. Хотя отдельные члены семей этой участи не избегали. Так, мой брат Семен (1936 года рождения) в детстве вместо слова «трубка» говорил «Срубка». Так и прожил всю жизнь под псевдонимом «Срубка». Характерно то, что к его двум сыновьям это не приклеилось.

Называя многих своих односельчан и даже родственников вот этими именами, я, ради бога, не стремлюсь никого из них обидеть, и не только их, но и их потомков. Можно, конечно, обойтись и без этого, но тогда, на мой взгляд, будет потерян свой, характерный только для моей деревни колорит, и будет рассказом о деревне вообще, а не о моей родной деревне Селец.

Как и кем давались эти прозвища – неизвестно, но народная молва авторство многих из них приписывает Василию Карповичу и кузнецу из деревни Городище Фоке. Кузнец в деревне – самый востребованный уважаемый человек. У нас в деревне кузнечил дядя Саша Ващенко. Человек и кузнец был прекрасный. Оба своим ремеслом владели в совершенстве. Делали прекрасные плуги, серпы, вилы, лопаты, ножи, оси для телег, обручи на бочки, подковы для лошадей, то есть все то, что было крайне необходимо крестьянину, но не всегда имелось в продаже в сельпо.

Но в отличие от Ващенко, Фока был человек, щедрый на юмор. Да и талантом стихосложения был не обойден. Ведь именно он на мотив песни «От колхозного вольного края» сложил частушки, в которых в порядке размещения домов упомянул о каждом жителе своей деревни Городище.

Эта деревня состояла из одной улицы, которая являлась как бы продолжением одной из трех улиц моей деревни. Помню, что в самом крайнем доме проживал дед Котлобай (бессменный сторож колхозного сада и злейший враг всех мальчишек).

Начиналась эта поэма так: «От колхозного вольного края – начиная от Котлобая, а за ним – Настасья Кривая ...» и таким вот образом были перечислены все жители Городища. (Кривая – это прозвище. С детства хромала на одну ногу).

Особенно нравилась нам его коляска на резиновом ходу. Сколько раз мы, мальчишки, угоняли ее из двора хозяина, чтобы покатать по деревне друг друга. Правда, домой возвращали

не всегда. Иной раз хозяин находил ее на крыше соседнего дома или своего сарая, а иногда она падала в колодец. К его чести, на нас он не очень обижался, хотя всегда грозился: «Поймаю, запрягу и с пугой проеду по всей деревне». Но не поймал, не запряг. А пуга – это просто сплетенный из сыромятной кожи кнут.

Ну не могли мы удержаться – больно уж диковинная была тележка. Это уже потом в колхозе будут и легковые автомобили «Победа» и «Волга», и несколько ЗИС-5, подаренных колхозу Маршалом Советского Союза Семеном Константиновичем Тимошенко. Маршал избирался в Верховный Совет СССР вместе с жительницей нашего села Евгенией Гавриленко.

Кто такая Женя? Выросла в многодетной семье. Когда мужики ради шуточки спрашивали ее отца Виктора, сколько же у него детей, он глубоко задумывался и потом отвечал «А кто его знает? Ци двенадцать, ци тринадцать. Сягодня спрашу у Домны». Домна – это его жена. Жили они, конечно, даже по тем меркам – очень бедно. Ютились в небольшом, вросшем в землю и слегка накренившемся доме. Женя работала свинаркой, и действительно – очень хорошо работала. Вот ее и выдвинули в состав высшей власти страны. Но была одна закавыка – она была совершенно безграмотной и вместо подписи ставила крестик. Ликвидировать безграмотность на уровне "хотя бы научить расписываться" поручили учительнице Селецкой начальной школы Груне Антоновне Шинкаренко. Справилась. Хорошая была учительница. Не одно поколение моих односельчан обучила она читать и писать.

Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко, познакомившись со своей будущей коллегой, тоже принял участие в судьбе Евгении Викторовны. Прислал солдат строительного батальона, которые в течение одной недели справили для нее хороший деревянный дом. Деревенские же остряки приклеили ей прозвище «Депутатка».

Впрочем, я собирался рассказать про наш мальчишеский досуг, но отвлекся. Выполняю обещание.

Перефразируя классика, можно сказать, что из всех искусств самым доступным для нас было кино. Фильмы в деревенском клубе показывали каждую субботу и воскресенье, за исключением летне-осеннего периода, когда зрительный зал был заполнен свеженамолоченным зерном ржи или пшеницы. Вынужденный перерыв в культурном просвещении масс продолжался не более трех месяцев. Затем зерно переносили в колхозный амбар, и мы вновь могли смотреть фильмы.

Доступное – это не значит пришел, купил билет и занял место в зале. Этот общепринятый способ не всегда можно было реализовать на практике. Причина все та же – отсутствие денег. Билет стоял 40 копеек, а это значит, что нужно сдать в магазин сельпо два куриных яйца, что тоже было не всегда возможным. А кинофильм посмотреть-то хочется...

Поэтому часто во время демонстрации фильма все окна снаружи клуба были «обвешаны» зрителями. Правда, были некоторые проблемы со звуком и изображением, но это детали – воображение дорисует. На этих «местах» преобладал зритель в возрасте, способный отвоевать себе место. Мы, малышня, шли иными путями. Их мне было известно два. Первый – незаметно проскользнуть в зал в толпе «обилеченных» зрителей. Иногда это удавалось, но гораздо чаще задержанный «заяц» излавливался и безжалостно удалялся из зала.

Второй способ был более сложным. Нельзя пройти? Значит, будем пролезать. И пролезали. Для этого пришлось разобрать часть кирпичного фундамента, оторвать на сцене несколько досок. А дальше, когда начинался фильм, и бдительность работников клуба притуплялась, мы по одному ползли под полом клуба, тихонько вылезали на сцену и там, лежа на полу, смотрели фильм. Смотрели с обратной стороны экрана.

Ползал под полом и я. Вот только спустя десятки лет никак не пойму, зачем мне это было нужно. Я уже говорил, что привык рано ложиться спать. Вот эта привычка меня и губила. Только заполз на сцену, лег и начал смотреть фильм, но каким бы он ни был интересным, сил моих хватало на одну, максимум – две части. Демонстрация велась одним аппаратом, и после

каждой части в зале включался свет. В течение нескольких минут киномеханик заряжал новую часть, и демонстрация продолжалась. Так вот, я не помню случая, что бы я бодрствовал ко второму включению света. В свое оправдание хочу заметить, что в этом я был не одинок.

После окончания сеанса будил нас заведующий клубом Степан Журав, который перед закрытием клуба осматривал все помещения. В субботние дни это было после танцев, которые начинались сразу после фильма и продолжались, как выражались местные остроловы, «до упаду».

К моему сожалению, танцевать я не умею, да и не любил никогда танцевать. Вначале стеснялся. А затем уже вроде бы поздно учиться. Однако это не исключало моего постоянного присутствия на этом мероприятии. Более того, ходили на танцы мы не только в своей деревне, но и ездили на велосипедах по соседним деревням. Собирались три – пять человек, и катили в деревни Котловица, Петрицкое, Тельман или Малейки.

Расстояние в пять – десять километров не пугало. Одиночные поездки никогда не практиковались, так как можно было попасть под кулаки местных парней, которым наше присутствие не особенно нравилось, так же, как и нам – их появление на танцах в нашей деревне. Нередко приходилось возвращаться домой со спущенными колесами велосипедов. Мы тоже не оставались в долгу. Натянутая на уровне колеса веревка, незамеченная велосипедистом, со стопроцентной гарантией вышибала ездока из седла.

До сих пор не могу четко сформулировать цель наших поездок. Участия в танцах не принимали. С местными девчатами не общались. Репертуар везде был однотипный. Гармонисты – самоучки во всей округе играли одну и ту же музыку – польку, вальс, краковяк. Видимо, просто хотелось увидеть что – то новое. Опять же – какое-никакое, а приключение.

Должен сказать, что для того, чтобы попасть в зал, где проходили танцы, нужно было иметь возрастной ценз. Малолетних на танцы не пускали. А нам так хотелось посмотреть, как танцуют взрослые, и, когда нас выдворяли из зала, было до слез обидно. Обида находила свое выражение в мелкой мести. В дырявый карман засыпался мелкий молотый красный перец. Снаряженный такой начинкой «диверсант» незаметно пробирался в зал и проходил по кругу шевеля рукой в кармане. Одного круга достаточно, чтобы веселье прекратилось буквально после первого танца.

Второй, не менее эффективный способ мести, тоже применялся довольно часто. Брался кусок старой киноплёнки, а горела она как порох, туго заворачивался трубочкой в бумагу, один конец поджигался и затем плотно прижимался к стенке или каблуку. Дым валил страшный. Дышать было невозможно, тут уж не до танцев.

В свободное от работы время (в летний период в колхозе работали и в воскресные дни), а это, как правило, после рабочего дня, взрослые мужики собирались возле клуба и дотемна (а летом темнеет поздно), выражаясь современным языком, там тусовались.

Причин много. Одна из них – потребность в общении, но, пожалуй, главная причина состояла в том, что рядом с клубом был магазин сельпо. Там продавец Лена Мелешка (деревенское прозвище Склобка), отмеряла на розлив «Особую московскую». Причем, при желании выпить, наличность была не обязательной. Существовала специальная книга, куда заносились все должники. Кстати, под запись можно было не только выпить, но и купить кое- что из продуктов. А склобка – это плотницкий инструмент, который применялся для очистки бревен от коры.

Через определенное время разговоры становились оживленнее, иногда возникали споры по любым житейским вопросам, но чаще не на тему «Ты меня уважаешь?», а «А ты это можешь?». Имелось в виду – а ты на перекладине сделаешь то, что могу показать я? Спор решался на месте. Да, употребление спиртных напитков перемежалось (и в какой-то степени уравнивалось) физкультурой. Рядом с магазином рос вековой дуб, который служил одной из опор (второй опорой был столб) самодельной перекладки. Тон в этом состязании зада-

вали бывшие офицеры-фронтовики. Особенно выделялся Прокоп Бут (семейное наследственное прозвище «Баран»). Капитан запаса, в свои сорок с чем-то лет он свободно порхал над перекладиной, выполняя одно за другим упражнения [1]. Большой оборот назывался «солнце», подъем разгибом – «склепка» и т.д.

[1] *Надо сказать, что рассказчик и сам в этом отношении был не подарок. Ивану Андреевичу уже было лет пятьдесят, я уже был женат на его дочери, когда он, заспорив, залез на турник и начал там вытворять такое, что у меня натурально челюсть отвалилась. Потом жена просветила меня, что у папы – 12 спортивных разрядов. (прим. редактора, по совместительству – зятя).*

Безусловно, что для многих из нас это был пример для подражания. Я имею в виду не распитие спиртного, конечно, хотя некоторые из моих сверстников увлекались этим делом. Мне известно, что никто из нас не стал профессиональным гимнастом. Но до призыва в армию многие из моих ровесников могли свободно выполнить необходимые солдату гимнастические упражнения. Пригодилось это и мне. Хотя выше второго спортивного разряда по гимнастике я не поднялся, но во время срочной службы, а затем учебы в военном училище уроки, данные офицерами запаса в маленькой деревне, очень даже пригодились.

Здесь же рядом находилась волейбольная площадка, на которой до позднего времени происходила игра «на вылет». Хорошая игра. Пристрастился к ней с раннего возраста. Играл за сборную колхоза на первенство района. Успехи были более чем скромные даже в районном масштабе. Да и подготовка моя, как выяснилось позже, тянула всего лишь на третий спортивный разряд.

Было у нас и футбольное поле, но поскольку оно находилось на «Дворце» (за пределами деревни), то игра проходила при минимальном количестве зрителей, что резко снижало престижность самой игры.

С детства приучился к стрельбе. Старший брат Алексей имел малокалиберную винтовку, которая хранилась дома. Просто висела на гвозде, забитом в стенку. Патроны к ней хранились в столе. Поэтому, когда взрослых не было дома, а их практически никогда не было, винтовка была в моем распоряжении. Поэтому ничего не стоило выйти на крыльцо дома и, к примеру, стрелнуть в ворону, сидящую на груше Антона Циркуна (сосед, фамилия Артеменко). Потом это умение тоже пригодилось. Наличие первого спортивного разряда по стрельбе позволило мне принять участие в первенстве ТОФ по спортивному троеборью, защищая спортивные интересы Камчатской военной флотилии.

Глава четвертая. Игры и не игрушки, или Вооружен и очень опасен

Кроме спортивных игр, были у нас, конечно, и обычные детские игры.

Пожалуй, наиболее доступным, а поэтому и наиболее распространенным видом досуга, была езда на колесе. Во-первых, не нужна команда. «Отдыхать» можешь один. Бери любое колесо, вплоть до обруча из старой бочки, но в идеале это монтажное колесо от автомобильных баллонов, загибай проволоку буквой «Ч» и этой проволокой кати колесо. Такие пробежки мы почему – то называли ездой. Ездить с колесом можно часами. Высший шик открыть калитку колесом, перескочить порожек и въехать во двор, при этом, чтобы колесо не упало. Интересней, когда два человека «едут» каждый на своем колесе. Иногда собиралось нас больше десятка. Тогда договаривались о поездке наперегонки – кто быстрее доедет до назначенного объекта. Иногда мне удавалось выигрывать, но чаще лидировали «Мудрик» или «Пипка» – оба Владимира бегали хорошо.

Не менее увлекательной была игра с мячом, которая называлась «выбеганка», а вообще-то, как я понял уже взрослым, это была русская лапта. Ранней весной, когда еще не сошел весь снег, выбиралась освободившаяся от снега площадка, формировались команды, и игра начиналась. Мяч был самодельный. Хорошие мячи получались из резины с траков немецких автомобилей или танков.

На палке путем наложения рук решалось, какая команда будет забивать, а кто будет «пасти» в поле. Выигрывал тот, кто был быстрее, точнее и ловчее. А быстро бегать в бурках невозможно, поэтому разувались и бегали босиком по почти мерзлой земле. Не скрою, иногда все заканчивалось ангиной. Но игра была такой увлекательной, что устоять было невозможно.

Иногда в игре принимали участие более взрослые ребята. Тогда она приобретала не только азартный, но и опасный характер, так как мяч из литой резины, запущенный рукой взрослого человека, при попадании на теле жертвы оставлял солидный синяк. Хотелось плакать, но нельзя – засмеют.

Когда оттаивала земля и становилось более тепло, появлялись новые игры – такие, как «ножик», «чика» и, конечно, игра в «шубу».

Кроме подвижных игр, широко практиковалась игра в карты, участие в которой принимали не только подростки, но и взрослые. В выходные дни в парке возле клуба несколько групп, рассевшись на свежей траве, часами играли в «двадцать одно». Причем, присутствующие болельщики поддерживали не только победителей, но и проигравших, особенно, когда тем стучали картами по носу.

«Чика» – игра азартная, и на деньги, поэтому старшие запрещали нам в нее играть. Способов для убеждения было много. Для меня, к примеру, самым убедительным оказался урок, преподанный мне преподавателем истории Малейковской семилетней школы Н.Белым. Как-то раз мы с Колей Довбуном (Мироненко) решили сыграть в «чику». Сдали в магазин по три свежих яйца, получили свои копейки и пошли к клубу играть. Почему к клубу? Просто там единственный в селе кирпичный и к тому же высокий фундамент, а от него хорошо отлетают монетки.

Пришли, немного поиграли. Увлечлись – а зря! После очередного замера пальцами расстояния между монетками, я с удовлетворением поднимался с колен, радуясь выигранной монетке, как услышал «Здорово! Пятак выиграл!». Почти одновременно я увидел культю правой руки учителя Н.Белого (после ранения во время войны историку была ампутирована ладонь) стремительно летящей к моей голове. Увернуться времени не хватило, а потому ухо

зудело дня три. После этого у меня выработалось на всю жизнь негативное отношение к азартным играм, особенно на интерес.

Еще одна игра часто увлекала не только мальчишек, но и девчонок. Называлась она «хованка» или, по-русски, прятки. Часами искали друг друга, так как спрятаться было где, начиная с картофельной ботвы на огороде или груши в саду деда Карпика, заканчивая сеновалом или погребом.

Большой популярностью пользовалась игра «Ступа». Методом считалки определялся игрок, который будет сидеть на коленях. Задача остальных участников игры перепрыгнуть через его голову, не сбив шапку. Каждый перепрыгнувший укладывал свою шапку сверху на его шапку. Затем прыгал следующий человек. И так до тех пор, пока кто – то не собьет шапку. Далее шла расплата за слабую прыгучесть.

Проигравший становился на четыре точки. Остальные игроки, взяв за руки и ноги того, через кого прыгали, раскачивали и этим тараном били по мягкому месту проигравшего. Количество ударов зависело от количества сбитых шапок. Затем побитый садился на колени, и все прыгали через него. Игра продолжалась до очередной сбитой шапки.

Но не все игры были так безобидны. Были и такие, которые представляли реальную опасность не только для нас, но и для окружающих, в том числе и взрослых.

Как я уже говорил, недостатка в просмотре фильмов у нас не было. И, конечно же, брали из фильмов все самое лучшее – особенно те, кто не спал. После фильма «Тарзан» все дети с дикими криками носились по веткам деревьев. Очень мы сожалели, что в Белоруссии не растут лианы.

Фильм «Робин Гуд», сами понимаете, вооружил нас луками. Сам лук смастерить особого труда не составляло. На согнутую ветку лесного ореха натягивалась волосяная или конопляная тетива – и оружие готово. Сложнее было с боеприпасами. Деревянные стрелы не годились, они были сложными в изготовлении, и тяжелыми для наших луков. Поэтому широко использовался сухой камыш, которого всегда было более чем достаточно. Во-первых, он в изобилии рос на болоте. Во-вторых, большинство кровель домов и сараев были из камыша. Кстати все крыши домов в нашей деревне были или из соломы, или из камыша. Единственным зданием, покрытым гонтом[1], был колхозный склад для хранения зерна. Именно поэтому пожар для деревни был настоящим всеобщим бедствием.

[1] *Гонт (польск.) или дранка – кровельный материал в виде пластин из древесины, сделанных из чурок.*

Итак, основание стрелы есть. Наконечник гнулся из жести и остро затачивался напильником. В цене была жечь «цинковая» и потолще. Из нее получались тяжелые и прочные наконечники, которые обеспечивали далекий и устойчивый полет стрелы. Хорошие наконечники получались из старых ведер или жестяных тазиков. Но это добро было в дефиците. В деревне моего детства ведро служило своему хозяину, даже если у него сгнило все днище – просто менялась его функциональное назначение.

Самодельные луки при определенных условиях были не совсем безобидными.

Как-то раз я на спор всадил такую стрелу в бедро своему другу Володе Бут (Пипка) с расстояния около тридцати метров. Крови было много, а наш обоюдный испуг не меньшим. Чаще всего жертвами наших забав были домашние птицы и животные. В целом, такой лук мог стрелять где-то до пятидесяти метров и, как я сейчас понимаю, представлял реальную опасность. Стрельба – то велась в основном в деревне. Уровень стрелковой подготовки не гарантировал безопасность окружающих. Точность и дальность стрельбы зависели от диаметра ореховой ветки, прочности тетивы и, безусловно, физической подготовки лучника.

Как все мальчишки мы любили шумовые эффекты от взрывов, но не имели возможности использовать пиротехнику заводского производства. Тогда просто не существовало таких возможностей. Поэтому приходилось изобретать.

Одним из таких изобретений были «стрелялки» – сделанные из ключа от замка или трубки небольшого диаметра, гвоздя и куска веревочки. Взрывчатку заменяла сера от спичек. Смысл состоял в том, чтобы подойти к человеку или группе людей и незаметно произвести взрыв, ударив шляпкой гвоздя обо что-то твердое. Практически всегда удар заканчивался взрывом, а иногда и не только им. Были случаи, когда силой взрыва ключ разрывало и тогда... Ожоги рук, травмы глаз. Но чаще всего такие развлечения заканчивались хорошим подзатыльником.

Но была и еще одна игра, которую игрой назвать трудно – игра с оружием...

Общение с оружием у меня началось с самого раннего детства. К сожалению, слишком много его осталось на белорусской земле и в земле после прошедшей войны. Для некоторых моих сверстников эта рискованная игра закончилась трагически.

Я уже говорил о «минере Васе», собравшемся делать самогонные аппараты в корпусах мин. К сожалению, он был не один. То, что я остался цел и невредим, видимо, было угодно судьбе. Как – то обошлось. А ведь могло быть... и неоднократно.

В один из дней я увидел, что брат Сеня и Тихон Тхор (фамилия Свириденко, сосед) что – то спрятали под призбой (завалинка) нашего дома. Старшие братья особенно играть с малышней не хотели. Поскольку деваться было некуда, мы бегали «хвостиками» за старшими братьями. Они нас прогоняли, а мы все равно старались быть рядом с ними. Конечно же, мы не просто находились рядом, но и наматывали на ус все, чем они занимаются. В тот день я поделился увиденным с Борисом Зайцем (Хмеленок, старше меня на два года). Он сразу же побежал к нашему дому и вытащил из земли красивую разноцветную трубочку. Поскольку у нас игрушек не было, то игрались со всем, что представляло интерес. Борис ушел домой – и, коварный, унес с собой трубочку, даже не дав мне поиграть с вновь приобретенной игрушкой.

Придя домой, Боря поделился своей радостью с бабушкой, единственным взрослым человеком, бывшим в доме, а затем положил игрушку в припечек, где была непогашенная зола, и стал раздувать огонь. В момент, когда хотел пошевелить трубочку рукой – а это был взрыватель от противотанковой мины – произошел взрыв. В итоге на правой руке у него остался только один палец, мальчик потерял один глаз и серьезно просело зрение на втором глазу.

Подобных примеров можно привести массу, так как боеприпасы и оружие валялись, в буквальном смысле слова, прямо-таки под ногами.

Вот сегодня вы, зайдя во фруктовый сад, в первую очередь обратите внимание на яблоки. А они действительно стоили внимания, наша деревня была богата садами, выращенные в них яблоки брали призы на ВДНХ. Не то было тогда – мы, заходя в этот же сад, бродили, потупив взор. Внимательно рассматривая каждый комочек земли, мы старались обнаружить черные колечки диаметром около сантиметра.

Дело в том, что во время войны в этом прекрасном саду стояла артиллерийская батарея. Не могу сказать о ее боевых успехах, но для нас, мальчишек, это место было настоящим Клондайком по добыче пороха. Безобидные с виду черные колечки на самом деле были настоящим артиллерийским порохом.

Применение он находил самое разнообразное, и детских глаз повыжигал более чем достаточно. Конечно, самое широкое применение – составная часть заряда для «пропеканок». Что такое «пропеканка»? По форме это нечто подобное на пистолет. Вместо ствола использовалась любая трубка. В наших условиях это были сменные стволы пулеметов, автоматные и винтовочные стволы. От них напильником или обломком пилки по металлу отрезался нужной длины кусок ствола, затем в один конец трубки забивался с большим усилием болт и заливалось расплавленное олово. Наивные, мы думали, что это повысит нашу безопасность при стрельбе.

Затем пропиливалось отверстие для поджигания пороха. Ствол крепился к деревянному прикладу при помощи жестяных хомутов. В ствол засыпались порох и дробь (порции отмеряли на глаз). Вместо дроби часто использовали куски проволоки или обломки поршневых

колец. При помощи спички поджигался порох и после непродолжительного шипения раздавался оглушительный выстрел. При передозировке пороха разрывало трубки, ломались рукоятки, иногда выбивало болт.

И вновь кто-то очередной из моих сверстников становился инвалидом. К сожалению, от этого опасного самодельного оружия пострадавших было много.

А если учесть, что кроме «пропеканок», существовало еще опасное наследие войны в виде мин, снарядов, головок от снарядов, взрывателей, гранат, стрелкового оружия, то число жертв постоянно увеличивалось. Фронт прокатился через нашу деревню дважды. И каждый раз земля обогащалась бесхозным оружием. Так что возможностей стать инвалидом, а то и хуже – было более чем достаточно.

Хотя не всегда все заканчивалось трагично. Были эпизоды, когда обходились без особых потерь.

Так, однажды в лесу мы нашли очень большой снаряд. Транспортных средств для доставки его домой не было, и поэтому мы решили взорвать на месте. Метод подрыва был проверенный – разводим большой костер, когда он хорошо разгорится, бросаем туда то, что должно «рвануть» и, прячась за деревьями, убегаем подальше. На этот раз развели костер под большим одиноко стоящим на полянке деревом. Бросили в костер снаряд и быстро убежали. Когда прогремел оглушительный взрыв, и мы пришли в себя, то услышали страшный крик, переходящий в рев.

Оказалось, что пока мы таскали хворост для костра, Володя Коцур (Мудрик) увидел, что в дупло на дереве, под которым мы развели костер, залезла сивокряка (красивая птичка, величиной чуть меньше голубя) и он решил ее поймать. Когда прогремел взрыв, рука была в дупле. Взрывной волной его немного подбросило вверх, после чего, потеряв опору, он повис на руке и орал благим голосом.

К его и нашему сожалению, этот ор услышали не только мы, но и проезжавшие на телеге по лесной дорожке мужики. Они оперативно среагировали на крик, тем более, что на их телегу упало доньшко снаряда и проломило доску подстильника.

Пока мы судили и рядили, как снять незадачливого птицелова, мужички подоспели к месту подрыва. Нам всем досталось по солидной оплеухе, а Мудрика рогатиной снимали с дерева. Снимали, особенно не церемонясь, а затем выдали то же, что и нам.

Еще один эпизод, который потряс всю деревню, готовился нами долго и тщательно. Не помню, кто из ребят, кажется, Леша Медведь (Терещенко) предложил съездить на лодке по реке Брагинка на Бучу (местное название одного из районов леса) и набрать там головок от снарядов. Несколько дней назад он ездил с отцом за дровами и видел полный окоп снарядов и головок от них. Идею поддержали.

У соседей мы попросили лодку – якобы мы за щавелем собрались на Большой остров. И на веслах против течения поплыли вверх по Брагинке, а это не менее пяти километров. По прямой километра два, но река то извилистая. За несколько ходок мы создали хороший запас вооружения, которого хватило, чтобы разложить в оставшейся на Дворце после войны полуторакилометровой траншее на расстоянии примерно метров 10-15 друг от друга по одной, а то и две снарядных головки. Дворец – это местность рядом с деревней, где в 17 веке располагался монастырь, а теперь там пасли свиней и гусей, т.е. Дворец был местом постоянного обитания большинства детей деревни. Далее следовала заготовка дров для костров и, наконец, заключительная часть – салют.

Салют решили дать в один из вечеров. Когда стемнело, одна из групп поджигала костры, а вторая на коляске развозила головки. Примерно минут через двадцать прогремел первый взрыв, а затем пошло греметь.

Зрелище завораживало...

Пламя костров взлетало под облака, бегущие по деревне и орущие мужики, которые не поймут, что происходит – а война была еще свежа у всех в памяти.

А затем, как всегда – разбор полетов с обязательной поркой виновных и невиновных.

Впрочем, порка оказывала лишь кратковременное воспитательное воздействие. Буквально тем же летом Коля Довбун (Мироненко), Володя Вихранок (Журав), Толик Баран (Бут) и я провели следующую операцию по приобретению оружия. В одном из разговоров Вихранок сказал, что слышал разговор родителей, из которого следовало, что в их саду под вишней дед во время войны закопал много оружия.

Дело было в период жатвы. В этот период все, кто может работать, как говорят, «и стар и мал» в поле на уборке. Для крестьянина слова «битва за урожай» были не пустыми словами, а действительно настоящей битвой, в которой участвовало все население деревни. Дома оставались только немощные старики и малолетние дети вроде нас.

И вот эти малолетки решили – вишню спилим, оружие откопаем. Работать начали с самого утра, а к обеду уже разделили всю доставшуюся добычу. Я притащил домой трехлинейную винтовку, несколько запасных стволиков к пулемету, штук пять коробок с винтовочными патронами, приспособления для чистки оружия (ершики, масленки, щелочь). Все это тщательно запрятал, и с чистой совестью уехал кататься на колесе. Домой возвращаясь вечером. С шиком открываю калитку колесом. Радостный и довольный вбегаю во двор и... пови-саю в воздухе.

Осмотрелся и вижу, что за шкирку меня держит Иван Двораковский – наш участковый милиционер (стиль работы – копия легендарного Анискина), а на крыльце сидят Алексей (мой старший брат 1928 г. рождения), отцы Вихранка и Довбуна, рядом с которыми стоят и уже хнычут их сыновья. Оценив обстановку, я понял, что первичная раздача по заслугам уже состоялась. Нетрудно было догадаться, что меня ждет примерно то же, поэтому я сдался сразу. Сдал все тайники. Вернее, почти все – пару стволов, спрятанных в скворечне на груше в саду, и кое-что из патронов оставил. Остальное все увез на телеге Двораковский. С ним, нашим Анискиным, мы еще неоднократно встретимся в этой книге.

Глава пятая. «Анискин» и наган. Трудовые будни и запрещенный ныне детский труд

Одна из встреч с участковым состоялась на Большом острове, когда мы с Колей Мироненко (Довбун) обстреливали мой наган.

История нагана такова. Мы очень любили кататься на лошадях верхом. А когда ты еще маленький, то вероятность прокатиться тоже очень маленькая. Выход из ситуации был найден следующий – кататься на тех лошадях колхозного табуна, которые пасутся на лугу. В общем, катались мы на молодых необъезженных лошадях. Поймать почти дикую лошадь на лугу просто так невозможно. Поэтому мы загоняли ее в болото, где она, погруженная по живот в трясину, теряла скорость, а потенциальный всадник взбирался на спину, хватался за гриву и веткой направлял лошадку на выход из болота. Лошадь на лугу, а дальше держись...

Я в тот раз не удержался. Моя Буланка сразу понесла меня к лесу, до которого было метров двести. Первые попавшиеся кустарники она перепрыгнула. Я ликовал от ощущения быстрой езды, но не долго – вскоре я пришел в себя в барбарисовом кусте. Дело в том, что лошадь шла прямо на куст, и я изготавился к прыжку, как прежде. Но хитрая Буланка в самый последний момент резко отклонилась вправо, и я слетел в куст. Придя в себя, увидел кровь на руке, а затем ощутил боль. Первым желанием было заплакать, благо нет свидетелей. Видимо, так бы и случилось, если бы мой взор не остановился на каком – то черном металлическом предмете.

Взяв его в руки, я вначале не поверил своему счастью – это был настоящий наган. Неважно, что деревянная часть рукоятки сгнила, барабан не вращается, что в барабане одна пустая гильза. Главное – есть ствол, курок, а остальное сделаем. Придя домой, про падение я давно забыл, а положить находку в керосин – нет. Дней через пять при помощи мела, песка, а также щелочи наган был вычищен до блеска, и все механизмы работали исправно. Осталось только провести пристрелку. Стрелять можно и без деревянных вставок на рукоятке. Обзаведясь патронами, на лодке дяди Довбуна мы уехали на Большой остров.

Развесив на кустах газету, после непродолжительного спора на тему, кто будет стрелять первым, победили аргументы Довбуна. Мол, лодку брал он, а раз наган мой, то я еще настроляюсь. Первых три выстрела сделал он. Настала моя очередь. Стал в стойку. Прицелился. Очнулся на земле. На мне сидит наш вездесущий участковый Иван Двораковский, и в руке держит мой наган. Вернее, теперь уже не мой. Долго червь обиды терзал мою душу.

Спустя годы, я все-таки отыгрался на нем. А было это так. Будучи курсантом ОАОЛУ им Фрунзе, я дважды в году приезжал в отпуск в родную деревню. В один из отпусков, по приглашению директора Малейковского крахмального завода, я зашел к нему в кабинет на беседу. Директор завода Козлов Николай Евгеньевич был в наших краях человеком известным. Во время войны партизанил вместе с К. Мазуровым, (который в то время был первым секретарем ЦК КП Белоруссии, затем член Политбюро ЦК КПСС), после войны длительное время руководил соседним колхозом, а затем крахмальным заводом.

Николай Евгеньевич расспросил меня о том, как идет учеба, какие дисциплины изучаем, поинтересовался, что появилось нового в военной технике. Как будущий ракетчик, я не мог ему многое рассказать, но кое-чем поделился. В общем, шла заинтересованная беседа и вдруг в кабинет заходит старший лейтенант милиции Иван Двораковский.

Оказывается, деревня Малейки тоже входит в его участок. Он сразу же включился в разговор и, чтобы как – то меня подзавести, начал хвастаться своим новым пистолетом Макарова (их только поставили на вооружение), при этом говоря, что я такого и в глаза не видел. Он даже разобрал его и предложи мне собрать.

Я сделал вид, что действительно вижу это оружие впервые. Стал внимательно рассматривать детали, а затем под столом быстро поменял положение возвратной пружины. Положил на стол и «сдался» – сказал, что собрать его не могу. Иван весело заулыбался и начал собирать пистолет. Потом улыбка сошла с его лица. Потом выражение лица изменилось на противоположное. Через некоторое время заявил, что я что-то сломал.

Николай Евгеньевич уловил подвох и предложил ему два варианта действий. Первый – собрать детали в платочек, а дома Вера (жена) поможет ему собрать пистолет. Другой вариант – он ставит сейчас же две бутылки коньяка и пистолет будет собран.

Пока он ходил в соседний магазин за коньяком, я неоднократно собирал и разбираю пистолет, наглядно показывая Козлову, в чем состоит эта хитрость. Две бутылки Двораковский поставил, но быстро отыгрался, а потом еще заработал на приобретенном знании оружия 8 бутылок. На следующий день он с утра пришел в Брагинский отдел милиции и, начав с дежурного по отделу и продолжив с другими милиционерами, начал конвертировать полученные знания в коньяк.

Однако, я должен уберечь вас от одностороннего взгляда на нашу жизнь. Мы не только взрывали и шкодили. Нам, послевоенному поколению, очень рано пришлось распрощаться с детством и наравне с взрослыми заниматься домашними делами, трудиться на колхозном поле...

Как я припоминаю, где-то с шести – семи лет на меня была возложена обязанность по сбору крапивы, ботвы свеклы, листьев тыквы и подсолнуха для корма наших свиней. Соберешь листы коша[1] два, вывалишь в корыто, а затем секатором измельчишь, зальешь обратом или кислым молоком и харч для хрюшек готов.

[1] *Кош – плетеная из ивовых прутьев корзина. Были большие коши, перевозимые на телеге, и ручные, которые как раз и использовались мальчишками.*

И так ежедневно. Мытье полов тоже вменялось мне. Я не скажу, что мыл ежедневно, но примерно раз в неделю проходилась по ним водой, тряпкой и деркачем. Деркач – старый износившийся березовый веник. Им хорошо отмывалась грязь с деревянных, неокрашенных полов.

С прибавлением лет прибавлялась и нагрузка, уже нужно было каждый вечер напоить корову, а пила она по 3-4 ведра. Хорошо, что колодец был прямо во дворе. Затем нужны дрова для печки, а зимой и для грубки[2].

[2] *Грубка (белорус.) – небольшая печь, как правило, из сырцового кирпича. Она, в отличие от многофункциональной русской печи, использовалась только для отопления.*

Если были бревна, привезенные из леса, то нужно было напилить, а затем поколоть. Если же нет привезенных из леса, то бери саночки и за реку – руби голыши лозы, и тащи на себе их домой. Дома порубил их по размеру печурки, принес кош торфа, и топи грубку.

Особенно большая нагрузка была летом. Уже где-то с первого – второго класса нас активно привлекали к участию в крестьянском труде. Мы водили лошадей при распашке картофеля, рулили лошадьми, впряжёнными в жатку, переворачивали сено, оттягивали солому при обмолоте хлеба молотилкой, окучивали картошку, пропалывали посеы от сорняков, пасынковали табак и выполняли ряд других работ.

Краткое перечисление работ, в которых мы принимали участие, мало о чем говорит современному молодому человеку. Конечно, самыми престижными для нас были работы, связанные с лошадьми. Ведь только на таких работах можно на законных основаниях прокатиться на лошади верхом. Причем не просто прокатиться, а пронестись с ветерком. Сегодня лошадь можно увидеть на улицах города как увеселительное средство для катания малышей. В моем детстве лошадь это, прежде всего, физическая сила. Сила, способная тащить плуг, телегу, нагруженную тяжелой поклажей, а также средство передвижения на возке, бричке или верхом. Мы отлично знали скаковые возможности каждой лошади, а поэтому всегда стремились полу-

чить для работы самую быстроходную. Иногда устраивали бега, за что получали очередное внушение от взрослых. Ведь это были рабочие лошади.

На наши плечи возлагалась работа по распашке картошки. Выглядело это таким образом. Между рядами картошки идет лошадь, за узду которой держится мальчишка лет от шести до девяти. Я начал водить лошадей где-то с семи лет. Лошадь тащит распашку – это такое сельскохозяйственное орудие, которое, зарываясь в землю посреди рядов картошки, производит окучивание ее стеблей. Лошади досаждают слепни и оводы. Отбиваясь от них, она резко взмахивает головой вниз, а затем вверх. Иногда вместе с головой лошади летит вверх держащийся за узду поводырь.

При выполнении этих работ особая бдительность нужна была при развороте. Заезвался чуть – и вероятность того, что лошадка наступит тебе на ногу, резко возрастала. А если учесть, что это нога босая, то о последствиях можно и не рассказывать. Задача ратая – человека, направляющего распашку – состоит в том, чтобы не присыпать стебли, не срезать их и, вместе с тем, качественно окучить. Это уже уровень десяти – пятнадцатилетних.

Работать начинали с раннего утра, пока не стало жарко, а затем верхом на лошадях ехали в деревню на обед и после 15.00 вновь выезжали в поле.

Особо нравилось нам работать по оттягиванию соломы при молотье молотилкой.

В чем прелесть этой работы? Во – первых, это коллективная работа. Во- вторых, в ней всегда присутствовал некий элемент игры. При молотье задействовано не менее 30-40 человек, а поскольку эта работа проводилась, как правило, ночью, то привлекались в основном молодые колхозники. На более серьезные участки работы ставились взрослые, а нам доверялось верхом на лошадях оттягивать обмолоченную солому, которая вылетала из молотилки. Два человека быстро складывали ее в копну, а наша задача – подъехать как можно ближе к копне, соскочить с лошади с веревкой в руках, обежать копну и завязать веревку за гуж. Быстро вскочить на лошадь, что не всегда сразу удавалось, учитывая мой рост, и везти копну метров за 40-50 к месту, где солому складывали в скирды. Соскочить с лошади, развязать веревку, быстро вскочить на лошадь и опять галопом к молотилке.

Благополучно доскакать туда не всегда удавалось. Ради шутки кто – то из взрослых мужиков брал свободный конец веревки и, крепко ее удерживая, прятался за скирду. Быстро скачущая лошадь, встретив сопротивление веревки, завязанной за один гуж, резко уклоняется в сторону. Если седок не готов к этому, то сразу слетает с лошади. Вообще надо сказать, что езда верхом на лошадях без седла – это Вам не фунт изюма скушать. По личному опыту знаю, что после первой, сравнительно непродолжительной поездки, я как минимум неделю предпочитал стоять или лежать. Хребет-то у лошади костяной, а тряска при беге солидная. Поэтому и соответствующий результат. Затем приходит опыт, набиваются мозоли и можно ездить верхом столько, сколько нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.